

© 1992 г. ДЕСНИЦКАЯ А.В.

ВНУТРЕННИЕ ТЕНДЕНЦИИ И СОЦИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ В ИСТОРИИ АЛБАНСКИХ ДИАЛЕКТОВ

Диалекты албанского языка, которые еще несколько десятилетий назад были известны лишь фрагментарно, в настоящее время благодаря усилиям абланских языковедов систематически описаны в серии специальных монографий. В качестве завершения этой научной программы ожидается создание диалектологического атласа.

На основе имеющихся описаний уже теперь можно составить отчетливое представление о диалектном членении албаноязычной территории и об исторических процессах развития албанского языка. Методика исторического сравнения, использующая помимо фактов современных диалектов также данные письменных памятников раннеалбанского периода, позволяет составить достаточно полную картину образования и эволюции диалектной дифференциации албанской речи на протяжении последних четырех-пяти столетий.

На фонетическом уровне в истории албанских диалектов обнаруживается действие и взаимодействие разного рода внутренних и внешних факторов. К первым относятся: развитие определенных тенденций, связанных со специфической установкой артикуляционной базы, сдвиги и перераспределения оппозиций внутри фонологических систем отдельных говоров, а также разного рода спорадические явления, возникающие в разговорной речи неформального характера. К числу внешних факторов следует отнести: переселения больших или мелких групп носителей албанского языка, контакты и смешения их с иноязычным населением, а также очень важные для лингвистической истории албанцев факты образования обобщенных и до известной степени нормированных типов устной речи, иначе говоря, разного рода койне (народно-разговорных, устно-поэтических и др.), противостоявших спонтанной речи локального характера. За последнее столетие, и особенно за недавние десятилетия, значительную силу воздействия на направление языковых процессов получили нормы литературного языка, с их широкой сферой влияния в условиях современной цивилизации.

Темой настоящей статьи является проблема взаимодействия некоторых внутренних тенденций фонетической эволюции албанских диалектов и сдерживающих эту эволюцию факторов социально-исторического характера.

*

В отдельных албанских говорах, притом в разных частях албаноязычной территории, проявляется общая тенденция к передвижению в заднюю часть речевой полости артикуляции некоторых фонем, что, по-видимому, связано с общей установкой артикуляционной базы. В особенности это характерно для повседневно-разговорного речевого стиля, вообще отличающегося некоторой вялостью произносительных движений. Областью наиболее яркого проявления указанной тенденции являются говоры на северо-западе и на северо-востоке гегского (северноалбанского) диалектного ареала.

В говорах горцев западной части Северноалбанских Альп, в городском го-

горе Шкодры, жители которой в разное время переселились из близлежащих горных районов (Malsija e Mbishkodrës), а также в речи жителей окружающей Шкодру низменности (так называемая Gropa e Shkodrës) широко распространенное в гегском диалекте сильно отодвинутое назад произношение ударенного *a* — носового [ã] и простого [a] — дополняется более или менее ярко выраженной лабиализацией вплоть до перехода в открытое заднее [ɔ]. Так, например, в говоре местности Шкрель (названной так по имени племени Shckreli) отмечаются следующие варианты произношения: *shullâ*, *shullâ'ni* "солнцепек", *hâ'na* (лит. рег. *hâna*, тоск. *hëna*) "луна", *hâ'gër*, *hôger* аор. от *hâ* "есть", *â'sht*, *ô'sht* (лит. рег. *âshi*, тоск. *ëshië*), *ist*, *nâ'tën* "ночью" и др. [1].

Эти типичные для всего указанного района варианты произношения не укладываются в жесткие рамки зависимости от характера слога и от фонетического окружения. В речи жителей Шкодры я отметила зависимость от стиля речи, притом часто в произношении одного и того же лица.

Отодвижение артикуляции к задней части ротовой полости затрагивает и произношение некоторых согласных, вызывая, в качестве добавочного признака, их веляризацию. Лабиализации сильно отодвинутого назад *a* ([ã], [a]) часто сопутствует смещение фонем *ll* [l] и *dh* [ɖ], выражающееся во взаимозаменяемости их произношения. Акустически сходство, вызывающее эти замены, в целом обусловленное признаком веляризации, усиливается благодаря вялости артикуляции, характерной для повседневной разговорной речи. Преобладает замена *dh* > *ll* ([ɖ] > [l]): *i madh* > *i mall*, *i mäll* "большой", *dhallë* > *lläll* "сыворотка", *dhomë* > *llöm* "комната", *udha* > *ulla* "дорога".

При этом, как и при лабиализации ударенного *a*, не приходится говорить о завершении фонологического сдвига. Постоянно наблюдаются колебания в произношении, при которых главное различие двух фонем — [ɖ] и [l] — в основном сохраняется. Однако граница между их реализациями фактически размывается, особенно в связи с тем, что вариантность произношения часто наблюдается в речи одного и того же лица не только при различии фонетических позиций, но и в тождественных условиях. Можно заметить, что в очень точной фонетической записи фольклорных текстов, произведенной в свое время М. Ламберцем, в одном и том же тексте зафиксированы варианты: *e m'ave* — *e m'ale* "большая", *idnim* — *ihim* "досада", *e'e* — *e'e* союз "и" [2].

Обратная замена, т.е. произношение /ɖ/ вместо /l/, тоже встречается, но значительно реже. Так, в говоре Край (Krajë) — горного района, лежащего между Шкодранским озером и Адриатическим морем, Ю. Рота в свое время зафиксировал замены: *fëllanzat* > *fëdhanxat* "куропатки", *molla* > *modha* "яблоко", *i gjallë* > *i gjadhë* "живой" [3]. Однако позднее И. Айети там же зафиксировал более обычную для гегских говоров замену /ɖ/ > /l/, например, *udha* > *ulla* "дорога", *pesdhet* > *peslet* "50".

Для западной части северногегских говоров тенденция к веляризации некоторых согласных вообще является существенной особенностью произношения. Дж. Лоумен, исследовавший 60 лет назад шкодранский говор, отметил "темный" (dark) или веляризованный характер не только звуков /l/ и /ɖ/, но также и носовых *m* /m/ и *n* /n/, развившихся из *mb*, *nd*.

Тенденция к нейтрализации различительных признаков фонем *dh* /ɖ/ и *ll* /l/, проявляющаяся преимущественно в замене *dh* > *ll* и обычно сопутствующая явлению лабиализации ударенного *a* (носового и простого), интенсивно, хотя и не регулярно, действует также в некоторых говорах восточной стороны Североалбанских Альп. Так, в говоре района Никай и Мертури находим: *dhallë* > *lläll* "сыворотка", *dhomë* > *llöm* "комната" и др. [4].

В говорах южногегской зоны, в частности в говоре старой Тираны, при общей отодвинутости назад и вялости артикуляции довольно отчетливо представлена лабиализация ударенного *a*. Тенденция к смещению фонем /ɖ/ и /l/ проявляется лишь спорадически. В записанных Ламберцем сказочных текстах встречаются единичные случаи, например, *kište not* (*ndodh*) "случилось". Когда я

прислушивалась к речи стариков, у меня складывалось впечатление как бы "затемненности" звучания. Как и на севере, характер произношения здесь определяется комплексом таких моментов, как вялость артикуляций (в разговорной речи), отодвижение назад ударенного *a*, наличие назальных гласных, а также дополнительный признак велярности, присущий артикуляции некоторых согласных.

Южная часть албаноязычной территории, преобладающую часть которой занимает обширная область "собственно тоскской" речи, составившей основу литературного языка современной Албании, почти не затронута указанным выше типом фонетических инноваций, если не считать смешанных пограничных с гегскими говорах, в которых наблюдается явление, аналогичное гегской лабиализации ударенного *a*.

Заметное исключение составляет лишь говор одного изолированного района в юго-западной части диалектного ареала, в котором обнаруживается весь комплекс явлений, обусловленных действием тенденции к сдвигу артикуляций к задней части ротовой полости. Речь идет о ляберийских говорах, которые несмотря на отсутствие территориальных или исторических контактов с говорами северной половины страны сближаются с гегским типом речи благодаря интенсивному действию тенденции к фонетическим инновациям, обусловленным отодвижением назад артикуляционной базы. При существенном различии систем вокализма, связанном с отсутствием в ляберийском диалекте, как и во всех южноалбанских говорах, назальных гласных, действие вышеуказанной тенденции обуславливает несомненное сходство с гегским общего типа ляберийского произношения. Если для части гегских говоров характерна лабиализация сильно отодвинутого назад носового *ā*, то в ляберийском гласный *ë* /*œ*/, исторически соответствующий гегскому *ā* в ударенных слогах, оказывается значительно более отодвинутым назад, чем в севернотоскском, и также проявляет тенденцию к лабиализации, с переходом в открытое *o* /*ɔ*/. Это, в частности, характерно для говора селения Вунó, лежащего на побережье Ионического моря. Ср. *u bo* "он сделался", чему в севернотоскском соответствует *u bē*, но в северногегских говорах *u bā* и *bo*.

В области консонантизма так же, как в гегских говорах, в ляберийском диалектном районе проявляется тенденция к веляризации, создающая, в частности, и здесь условия для смешения фонем *dh* /*ð*/ и *ll* /*ʎ*/. С тенденцией к веляризации в ляберийском также, по-видимому, связана такая важная, общая с гегским диалектом, инновация, как изменение *mb* > *m̃* > *m*, *nd* > *ñ* > *n*. Между тем Ляберия отделена от гегской диалектной области большим расстоянием.

Перечисленные инновации, характерные для ляберийских говоров, резко выделяют последние из их диалектного окружения. Можно полагать, что в этих говорах выявляются внутренние тенденции фонетической эволюции, сходные с теми, которые действуют в гегском ареале.

В отношении конкретной реализации тенденции к смешению фонем /*ð*/ и /*ʎ*/ можно заметить, что в тех ляберийских говорах, где это явление отмечено, преобладает, в отличие от гегских, замена произношения *ll* /*ʎ*/ произношением *dh* /*ð*/. Так, в говоре Гьирокастры: *molla* > *modha* "яблоко", *llampa* > *dhamba* "лампа", *përalla* > *pradha* "сказка", но также: *i madh* > *i mall* [5].

Иная реализация той же тенденции обнаруживается в некоторых итало-албанских говорах. Так, в говоре села Pallagorio, расположенного изолированно от основного ареала албаноязычных поселений Калабрии, можно наблюдать подмену велярного плавного /*ʎ*/ заднеязычным звонким щелевым /*ɣ*/: *Nikollë* > *Nikogh*, *i gjallë* > *i gjagh* "живой". Это же явление наблюдается и в говоре Piana degli Albanesi в Сицилии. Для обеспечения сходства нет нужды прибегать к предположению о переселении носителей соответствующих говоров в Южной Италии. Можно отметить лишь общность происхождения всех итало-албанских поселений из Южной Албании, в частности и из Ляберии. Сходство фонетических инноваций определяется и здесь реализацией общих внутренних тенденций фонетической эволюции, связанных с установкой артикуляционной базы.

Произведенный обзор фактов говорит о том, что сходство фонетических инноваций, наблюдаемых в различных точках албаноязычного ареала, не может рассматриваться как результат распространения определенных типов произношения на смежных территориях. Его надлежит рассматривать как спонтанно возникший результат проявления внутренних тенденций фонетической эволюции, действующих независимо в определенном направлении.

Можно было бы сказать, что мы имеем здесь дело со звуковым законом, находящимся в процессе становления, однако не достигающим той степени регулярности, которая позволила бы назвать его действительно "законом". И явление лабиализации сильно отодвинутого назад ударенного *a*, и тенденция к нейтрализации различия сильно веляризованных фонем *ll* /*l*/ и *dh* /*ɖ*/ (или /*l*/ и /*ɣ*/ в итало-албанских говорах) представляют собой фонетические инновации, обычно осуществляющиеся в виде факультативных вариантов произношения, реализация которых может зависеть от стиля речи, от социального статуса и от возраста говорящего. Лишь в отдельных, относительно изолированных говорах, по-видимому, можно говорить о полной нейтрализации различия фонем /*l*/ и /*ɖ*/. Так, например, И. Айети предполагает, что это произошло в говоре сел Бриско и Шестани, лежащих в горном районе к западу от Шкодранского озера [6]. Примечательно, что жители села Arbanas на севере Далмации, эмигрировавшие из сел Бриско и Шестани в начале XVIII в., уже не имеют в системе говора велярного /*l*/, перешедшего (возможно, под влиянием итальянской речи) в среднее, или европейское *l*. Равным образом они произносят этот звук на месте исторических *ll* /*l*/ и *dh* /*ɖ*/. Ср. *molla* > *mola* "яблоко", *udha* > *ula* "дорога", *edhe* > *ele* союз "и", *i bardh* > *i barl* "белый".

Возникают вопросы: почему действие обусловленной внутренними факторами тенденции к лабиализации ударенного *a* и к сопутствующему явлению смещения сильно веляризованных фонем *dh* и *ll* не охватило весь гегский ареал и не приобрело абсолютного характера, свойственного звуковым законам? Почему в Южной Албании весь основной, "собственно тоскский" ареал оказался совсем не затронутым этой тенденцией и действие ее проявилось лишь на крайнем юго-западе — в небольшой группе ляберийских говоров? Наконец, почему в итало-албанских говорах действие аналогичной тенденции к смешению сильно веляризованных согласных *t* и *ɣ* независимо проявляется лишь в двух сильно отдаленных одна от другой точках албанской колонизации?

Каковы были факторы внешнего порядка, затормозившие спонтанную фонетическую эволюцию албанских диалектов и вообще албанского языка в том направлении, какое предопределялось внутренними причинами, связанными с установкой артикуляционной базы, ориентация которой на заднюю часть ротовой полости довольно отчетливо обнаруживается в североалбанских (гегских) говорах? Для ответа на эти вопросы должны быть приняты во внимание социально-исторические условия, в которых складывались языковые отношения в различных частях албаноязычного ареала. Основным фактором, сдерживавшим развитие и закрепление фонетических инноваций, возникавших в непринужденной разговорной речи на уровне повседневного общения, было, как я полагаю, влияние нормированных типов устной речи.

В старой Албании на протяжении столетий турецкого владычества, возможно, и в более ранние периоды, при отсутствии единого экономического, политического и культурного центра страны движение к языковой концентрации длительное время осуществлялось путем создания региональных устных койне. Каждое из этих койне имело в большей или меньшей мере наддиалектный характер. Их функциональная значимость и престиж должны были зависеть от социального уровня обслуживавшейся ими коммуникации, от территориальной распространенности, а также от жанровых особенностей. Конечно, должны были качественно различаться между собой койне, слагавшиеся в условиях родо-племенного общественного устройства, длительно сохранявшегося в горных районах,

городские койне, а также народно-разговорные койне, слагавшиеся в пределах экономически более развитых и относительно более обширных регионов.

Определенные различия вносились самим характером речевых стилей. Специфическими особенностями обладал не только язык высоких жанров фольклора — эпической поэзии и надгробных причитаний, но и язык публичной речи, связанной с различными формами социального общения (народные собрания, судопроизводство) на высших уровнях, — как в коллективах горцев, живших по законам обычного права, так и в условиях городской среды с ее цеховыми организациями. Стиль публичной речи, так же как и стиль устной поэзии высокого уровня, предполагал отчетливость артикуляций, соблюдение основных фонологических различий, сохранение устойчивости элементов фонологической системы.

Для процесса сложения обобщенных и более или менее унифицированных форм устной речи особенно большое значение должны были иметь речевые стили, связанные с более высокими функциональными уровнями общения, так как именно они давали образцы своего рода нормы, согласно которой осуществлялись процессы выравнивания произношения, восстановления единства языка, нарушавшегося спонтанно возникавшей вариативностью, характерной главным образом для небрежного, неполного стиля языковой коммуникации в условиях повседневного бытового общения.

Этапом развития такого рода процессов, которые, с одной стороны, способствовали консервации основных элементов унаследованного единства языка, а с другой стороны, закрепляли некоторые закономерные и широко распространившиеся инновации, было создание в периоды экономической, политической и культурной раздробленности, характерные в прошлом для Албании, нескольких региональных койне, обладавших значительным престижем и сыгравших определенную роль в истории языкового объединения страны.

Для истории албанского языка в ее доступные изучению периоды большое значение имели: а) северногегское койне, созданное родоплеменным обществом североалбанских горцев; б) южногегское койне, сложившееся и распространившееся в городах и равнинных областях центральной Албании; в) общетоскское койне, распространившееся на большей части южноалбанской территории.

Северногегское койне, сложившееся и использовавшееся как форма публичной речи в общественно-ритуальной сфере, а также как язык эпической поэзии, вероятно, уже на протяжении нескольких столетий существовало в его дошедшем до нашего времени виде. Можно предполагать, что эта наддиалектная форма устной речи возникла и приобрела социальный престиж уже в эпоху, предшествовавшую появлению первых памятников североалбанской письменности (XVI—XVII вв.), и была использована их авторами (Гьон Бузук, П. Буди, Фр. Барди, П. Богдани). В фонетическом отношении норма северногегского койне (общественно-ритуального и эпического) соответствует старогегскому состоянию, засвидетельствованному в этих текстах, которое можно рассматривать и как общегегское. Для него характерно устойчивое сохранение основных фонематических различий, упорядоченность фонологической системы. В отношении рассмотренных выше фонетических изменений, спонтанно возникающих преимущественно на периферии северногегского ареала, можно заметить следующее: а) норме койне не соответствует лабиализация ударенных *a* (назального и простого); б) в койне четко различается произношение фонем *dh* /d/ и *ll* /l/.

Нормативный характер фонологических различий, закрепленных в произносительных образцах наддиалектной речи, обладавшей на протяжении столетий высоким социальным престижем в родоплеменном обществе горцев, и огромная популярность такой сублимированной формы народной культуры, как эпическая поэзия, являлись мощным фактором, тормозившим закрепление в фонетической системе спонтанных инноваций, возникавших в небрежной речи, характерной для разговорно-бытового уровня коммуникации. Фактически каждый

говорящий мог в случае необходимости "исправить" свое произношение, ориентируясь на идеальную норму койне, которая предписывала определенную систему произносительных инвариантов. Социальному престижу этой консервативной нормы способствовало длительное существование институтов родоплеменной организации, сохранявшей свою жизненность еще в начале нынешнего столетия.

В новое время влияние койне в Северной Албании сменилось влиянием литературного языка, гегский вариант которого исторически сложился на основе той же фонетической нормы северногегского койне, соответствовавшей старогегскому или общегегскому состоянию фонетической системы.

Географическая дистрибуция рассмотренных выше фонетических инноваций в пределах северногегского диалектного ареала отражает различие степеней отдаления современных говоров от старогегского состояния, закрепленного в фонетической системе койне. На периферии ареала — в его западной и восточной частях — унаследованная фонетическая система оказалась сильнее размыта инновациями, в частности в том, что касается лабиализации ударенного *a* и смешения, отмечаемого в реализации фонем *// /ɪ/* и *dh /d/*. В отличие от периферии говоры центральной части Североалбанских Альп (к северу от течения Большого Дрина) до сих пор обладают фонетическими признаками старогегского типа и тем самым обнаруживают состояние, более близкое к нормам эпического и общественно-ритуального койне, престиж которого в этой высокогорной области был особенно высок. Наряду с другими консервативными чертами говоры этих мест в основном четко дифференцируют произношение *dh* и *//* и не проявляют тенденции к лабиализации *a*: *hāna* "луна", *i madh* "большой".

Характерно, что и в фольклоре именно этих районов (Никай-Мертури, Шаля, Шоши) отмечаются наибольшие последовательность и чистота эпической традиции.

Темой настоящей статьи не является рассмотрение проблемы региональных койне, сыгравших ту или иную роль в истории албанского языка. Поэтому я не останавливаюсь на фонетических проблемах, связанных с влиянием южногегского койне на эволюцию фонетической системы гегского диалекта. В заключение я кратко останавлиюсь лишь на затронутом выше вопросе особого положения ляберийских говоров, составляющих часть южноалбанской диалектной группы, но вместе с тем обнаруживающих комплекс фонетических инноваций, сходных с инновациями гегского ареала. Эти инновации подлежат рассмотрению в их соотношении с общетоскским состоянием, основные признаки которого отражены в фонетической системе относительно единообразных севернотоскских говоров [7].

Можно полагать, что севернотоскская, или "собственно тоскская", диалектная зона представляет собой область распространения давно сложившегося и консервативного по своим фонетическим признакам наддиалектного койне. В настоящее время трудно реконструировать конкретные социально-исторические условия создания языкового единства, характерного для северной и юго-восточной частей южноалбанского ареала. Внутри этого единства отмечаются некоторые локальные варианты, признаки которых в целом мало значимы для процесса коммуникации в пределах южной части албаноязычной территории. Система "собственно тоскского" койне (в ее основных фонетических и морфологических компонентах), по-видимому, уже в течение ряда столетий выступала и продолжает выступать в качестве наддиалектной нормы — идеального инварианта.

На этом фоне фонетические инновации ляберийских говоров, имеющие спонтанный характер и при этом очень сходные со столь же спонтанными инновациями северногегских говоров, поражают своей неожиданностью. Видимо, и здесь приходится усматривать действие внутренних тенденций фонетической эволюции, обусловленных определенной установкой артикуляционной базы.

Почему же действие этих внутренних тенденций проявилось лишь в ляберийских говорах, но не дало о себе знать на всем остальном пространстве распространения южноалбанского типа речи? Как я уже писала более подробно [7], представляется возможным сопоставить указанное диалектное различие с известным фактом славяно-албанского симбиоза на территории Албании, завершившегося языковой ассимиляцией славянской части населения. Как показывают данные топонимии [8], очень густая сеть славянских топонимов покрывает северную и юго-восточную части территории Южной Албании, которые и составляют область распространения "собственно-тоскского" диалектного типа. На юго-западе территории можно заметить убывание славянских топонимов, причем особенно малое их количество приходится на горную Ляберию (плато Курвелеш) и побережье Ионического моря. Можно предполагать, что волна расселения славян, некогда охватившая значительную часть южноалбанской территории, не докатилась до гор Акрокераунии. Ляберийские горцы, подобно гегским, продолжали жить своими родовыми общинами и не смешивались со славянами в той мере, как это было, по-видимому, характерно для жителей "собственно Тоскери". Особое положение Ляберии, по сравнению с остальными областями Южной Албании, отразилось и в названиях этого района *Labëri*, *Arbëri*, образованных от корня **alb-/arb-*. В этих названиях сохранилось древнее самоназвание албанцев. Житель Ляберии и сейчас именуется *lab* (< **lba*), т.е. "собственно албанец". В изменении **alb- > lab* проявилась характерная для славянской речи метатеза. Другой вариант древнего самоназвания — *arbër*, *arbëresh* сохраняется у албанских поселенцев Южной Италии и Греции.

Можно полагать, что в менее затронутой некогда славяно-албанским двуязычием горной Ляберии более свободно могли действовать (подобно тому, как это происходило в говорах североалбанских горцев) внутренние тенденции фонетической эволюции, хотя и здесь они оставались на уровне спорадических изменений, связанных со стилем разговорной речи, характерными признаками которого являются такие качества, как ненапряженность, вялость артикуляций и общее понижение тембра.

В "собственно тоскском", в отличие от ляберийского, действие таких тенденций не наблюдается; оно как бы подавлено, благодаря чему система севернотоскского койне может быть характеризована как исторически консервативная. Тот факт, что в ней оказалось заторможенным действие тех внутренних тенденций фонетической эволюции албанского языка, которые видоизменили в определенном направлении фонетическую систему ляберийского говора, мог быть связан с тем, что на севере и юго-востоке южноалбанской территории длительное время существовала славяно-албанская двуязычная среда. Переходившие на албанский язык славяне усваивали нормированный тип старотоскской речи, имевший характер наддиалектного койне. Они усваивали старотоскскую систему фонем в ее инвариантах, но, вероятно, не усваивали возможных колебаний в произношении, тех отклонений от нормы, которые могли бы стать исходными для развития специфических инноваций. Спорадичность проявления такого рода колебаний, хотя и обусловленных характерным для коренных албанцев укладом произносительных органов, а также нефонологичность вызывавшихся ими изменений, делали для славян необязательной полноту усвоения всех вариантов, не соответствовавших норме. Славянское влияние на ход исторической эволюции тоскского типа речи выразилось, таким образом, не в особом направлении фонетических изменений, но наоборот, в консервации основных признаков старотоскской фонетической системы. Что касается ляберийских говоров, то в них, как и в северогегских, могли более свободно действовать внутренние тенденции фонетической эволюции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Beci B.* E folmja e Shkreliit // Dialektologjia shqiptara. I. Tiranë, 1971. S. 274.
2. *Lambertz M.* Albanische Märchen. Wien, 1922. f. 183 flg.
3. *Brota G.* Letratyra Shqype. Shkoder, 1934. f. 19.
4. *Lafe E.* E folmja e Nikaj-Merturit // Studime Filologjike. 1964. f. 3.
5. *Gjinari J.* Dialektologjia shqiptare. Prishtinë, 1970. f. 45.
6. *Ajeti I.* Istorijski razvitok gegijskog govora Arbanasa Kod Zadra. Sarajevo, 1961. f. 148.
7. *Desnitskaja A.V.* Language interferences and historical dialectology // Linguistics. 1973. 113.
8. *Селищев А.М.* Славянское население в Албании. София, 1931 (карта "Славянская топографическая номенклатура Албании").